

Л. М. ЦОНЕВА

Велико-Тырново, Болгария

ИГРЫ С ИМЕНАМИ ПОЛИТИКОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ТЕКСТЕ

Аннотация. *Рассматриваются особенности функционирования имен собственных в современном публицистическом тексте. Их употребление часто сопряжено с языковой игрой, причем использование внутренней формы имен политиков и их фонетических созвучий с другими словами связано с выражением иронии по отношению к референту.*

Ключевые слова: *медиа-текст; прецедентное имя; языковая игра; публицистический стиль; ономастика; антропоним.*

L. M. TSONEVA

Veliko-Tyrnovo, Bulgaria

GAMES WITH POLITICIANS' NAMES IN MODERN MEDIA TEXT

Abstract: *Peculiarities of functioning of proper names in a modern publicistic text are described. Their usage is often combined with language game, while the usage of inner form of names of politicians and their phonetical assonance with other words is connected with ironical attitude to the referent.*

Key words: *media text; precedent name; language game; publicistic style; onomastics; anthroponym.*

Современная лингвистика все чаще рассматривает различные языковые единицы и явления сквозь призму языковой игры, уделяя специальное внимание их скрытым эстетическим возможностям, их нетрадиционному, творческому использованию в речи [Норман 1987:168]. Языковая игра (ЯИ) в широком смысле сегодня толкуется как сознательное «манипулирование языком», построенное на необычайном использовании языковых средств [Санников 1999:37], как лингвистическое изобретательство, проявляющееся на всех уровнях языка и не всегда связанное с отклонениями от нормы [Ремчукова 2005:23].

Активность игрового можно считать важной характеристикой различных функциональных стилей, и это обуславливает актуальность исследования сущности и функций ЯИ в разных

лингвистических направлениях.

ЯИ в художественном тексте, как подчеркивает Т. А. Гридина, «принимает разнообразные формы, вырабатывает собственную сложную “технику”, связанную с эстетической сущностью произведения искусства и индивидуальностью творческого почерка его создателя» [Гридина 2008:5].

Игра языком – естественная черта разговорного стиля, располагающего своим кругом игровых форм, проявляющихся прежде всего в устной речи [Земская 1983].

Очень широко использует разнообразные проявления ЯИ и публицистический стиль (ПС), который включает их в свою новую коммуникативную стратегию для образно-экспрессивного моделирования содержания, нередко – с ярко выраженным комическим эффектом, в том числе в «серьезных» изданиях и жанрах.

Предметом внимания в настоящей работе являются особенности некоторых из проявлений ЯИ в ПС, а также изменения в них, наметившиеся в публицистике как явления динамическом за почти десятилетний период времени после выхода в свет нашей монографии “Езиковата игра в съвременната публицистика” [Цонева 2000, 2002]. Источником материала для анализа являются медиа-тексты, опубликованные в последние несколько лет в центральных изданиях разной политической направленности – российских: «Аргументы и факты» (АиФ), «Московский комсомолец» (МК), «Труд», «Российская газета» (РГ), «Литературная газета» (ЛГ), «Огонек» (Ог.), «Итоги» (Ит.), «Новое время» (НВ), «Комсомольская правда» (КП) и др.; болгарских: «Сега», «Труд», «Монитор», «Стандарт», «Капитал», «Тема» и др.

Наше внимание направлено на проявления ономастической игры, определяемой Т. А. Гридиной как «разновидность ЯИ, в основе которой лежит способность говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия» [Гридина 2001]. Отметим здесь, что в работе анализируется прежде всего ономастическая игра, а переплетение, сочетание различных проявлений ЯИ, какое можно видеть и в некоторых из данных ниже примеров, заслуживает отдельного исследования.

Собственные имена (СИ) относятся к тем единицам языка, которые авторы медиа-текстов активно вовлекают в ЯИ, что связано как с особенностями самого ПС, так и с особенностями СИ. В ономастическую игру включаются все виды СИ, например, топонимы: *Мир трясет от беспробудного пхеньянства* (МК); *Припеваючи «куршевелился» и глава строительной*

компании Е. Спиренков (АиФ); Е, след като не можем да станем Швейцария на Балканите, може би надеждата ни е да станем **Диоксингапур** на Балканите (Сега).

Активнее всего участвуют в ономастической игре антропонимы, или личные имена (ЛИ), которые могут включаться в разные ее конкретные проявления. Ниже рассмотрим коротко некоторые из них, отмечая при этом, что они бесспорно заслуживают более подробного изучения.

Проявления ономастической игры вообще и в медиадискурсе в частности имеют свои специфические особенности. Так, важной особенностью игры с ЛИ можно считать то, что в ней «мишенью» является референт, и через игру с именем косвенно выражается отношение к его носителю. Это отношение в медиа-тексте, как правило – ярко негативное, часто – ироническое, в то время как в разговорном и художественном стилях отношение к референту, выраженное через игру именем, может быть и нежным, любовным и т. д. [см., например: Эпштейн 2006].

Кроме того, в разговорном стиле обыгрывание имени демонстрирует близость между участниками общения, желание пошутить, и в нем используются, как правило, формы ЯИ (фонетические игры, «веселая грамматика» и т. п.), которые из-за их «непритязательности» можно отнести к балагурству [Земская 1983: 175]. Проявления ЯИ в публицистике, однако, чаще всего сложнее, и их скорее всего следует отнести к остроумию.

Публицистика «эксплуатирует» очень активно экстралингвистический потенциал ЛИ, аккумулирующих существенную по объему неязыковую информацию об объекте и его среде, которая при определенных условиях функционирования ЛИ становится элементом их контекстуального языкового значения [Ратникова 2003: 11]. Поэтому для понимания механизма обыгрывания СИ и эффекта от него нужны общие для автора и адресата внетекстовые (фоновые) знания о референте имени, об его месте в социуме, об особенностях его характера и поведения, о конкретных его действиях и т. д. Так, окказиональное слово *Доганленд* в следующем примере образовано от фамилии болгарского политика Ахмеда Догана, лидера партии ДПС, владельца роскошных дорогих особняков: *Спалните в "Каза Домини" приличат на султански будоар, а **Доганленд** в центъра на бедното село Дръндар е като изваден от приказките за Рапунцел* (Тема).

Отметим в связи с этим важную роль в ПС тех СИ, которые можно определить как ключевые имена (КИ) – имена субъектов, актуальных для общества в целом, имена «героев нашего

времени» [Цонева 2007]. Активность КИ в ЯИ обусловлена не столько их лингвистическим, сколько их богатым экстралингвистическим ассоциативным потенциалом – для них особенно важны знания о референте, о связанных с ним ситуациях, действиях, отношениях и т. д., которые, естественно, можно найти в более широком словесном или несловесном контексте.

К КИ можно отнести имена людей, актуальных для социума в целом и находящихся в центре общественного сознания (разумеется, с «пиками» активности в рамках определенных отрезков времени). Такими можно считать имена политиков, известных экономистов и бизнесменов, иногда – террористов, артистов, спортсменов и т. д., редко – известных ученых или писателей. Круг КИ непостоянен – он может включать имена людей, актуальных для общества в течение сравнительно долгого времени, а также имена людей, прежде всего политиков, появившихся на политическом «небосклоне» на короткое время или появляющихся там периодически.

К важнейшим признакам КИ, как и ключевых слов вообще [см. Шмелева 1993; 2009] относятся их частотность, в том числе в медиа-текстах и прежде всего в их заглавиях, а также их частотность в качестве «материала» для обыгрывания. Обыгрывание СИ, с другой стороны, – важный показатель социальной значимости его носителя. Важно отметить, что значимость многих актуальных для общества политиков – «с обратным знаком», поскольку они нередко становятся популярными в связи с политическими или экономическими событиями, имеющими негативный отзвук (к тому же, как известно, деятельность политиков редко встречает одобрение в обществе). Именно «отрицательная популярность» становится поводом для обсуждения в медиа-текстах этих субъектов и их действий, их иронизирования, осмеивания и т. д., в том числе и формами ЯИ.

Центральное место в списке КИ, естественно, занимают имена ведущих «действующих» политиков – президента, премьер-министра, членов правительства, лидеров политических партий и т. д. (*В. Путин, Д. Медведев, Ю. Лужков, В. Жириновский* и т. д.; *Б. Борисов, Г. Пырванов, А. Доган, Ц. Цветанов* и т. д.). Реже объектом игры становятся имена политиков прошлого, как правило, в связи с важными годовщинами или конкретными событиями.

Проанализированный нами материал позволяет отметить, что в медиа-текстах чаще всего обыгрываются фамилии политиков, реже – имена, прежде всего в тех случаях, когда имя безошибочно относится к одному референту (например, *Силвио*

(Берлускони), Юлия (Тимошенко), Бойко (Борисов) и др.) или воспринимается как странное или необычное (например, Барак (Обама). Ср.: *От СДС трябваше да дундурка до дясното си коляно останки от **муравейщина** и остатъчен костовизъм* (Труд) – выделенный окказионализм образован от редкого и довольно странного для болгарского языкового сознания имени Муравей (Муравей Радев – министр финансов в прошлом); **Лютфизацията** е заразила и «Труд», който обаче до нищо ново не се е добрал (Сега) – окказионализм образован от имени Лютфи (Лютфи Местан – депутат, этнический турок).

Среди русских политиков первое место по частотности включения его имени в разные формы ЯИ как в русских, так и в болгарских медиа-текстах занимает В. Путин в его качестве президента несколько лет назад и премьер-министра сегодня: *Вдоль по **Путинскому** (АиФ); Тверь – **путингу** дверь (НВ); О такой мелочи, как обязательное переименование города на Неве в **Санкт-Путинбург**, говорить не стоит (КП); Вот приедет **Путин** – рассудит (МК); Уволнението на Иво Инджев – мирис на **путинщина** (Дневник); В помощ на Ехуд Барак – нашата оферта за още един **путинизъм** (Сега)*

Примеры обыгрывания имен болгарских политиков в русских текстах отсутствуют в нашей картотеке.

«Любимая мишень» болгарских СМИ – премьер-министр Бойко Борисов, что связано не только с его ключевой ролью в болгарской политической жизни сегодня; неизбежно подвергаются иронизированию и осмеиванию и его фигура, особая манера говорить, склонность к самолюбованию, любовь к спорту и т. д., в том числе, и очень часто – через обыгрывание его имени. Ср.: **Бойкофренията**, любезни ни читателю, е в апогея си преди Нова година (Новинар)

Среди ЛИ зарубежных политиков «лидером» обыгрывания как в русском, так и в болгарском языке является имя нынешнего президента США Барака Обамы: **Обама** без обмана (Ит.); Маккейна опять **забараковали** (МК); От хижины Тома до **Барака Обамы** (АиФ); **Обамафорията**, изглежда, си има граници (Капитал)

Не так давно это место занимал Д. Буш. Ср.: *Как в психиатрии есть отдельные отрасли – шизофренология, эпилептология и другие, так и в политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел – **бушефрения** (АиФ); В средата на финансовата криза и в края на 8-годишната **бушокрация** Обама успя да възроди вярата на уморените и наплашени американски граждани (Стандарт); **Буш-ваканция** в София (Тема)*

В связи с этим можно говорить не только о подвижности в составе КИ, но и о том, что включение СИ в ЯИ (хотя и в меньшей степени, чем в разговорном стиле) зависит и от некоторых чисто субъективных черт референта – внешности, особенностей характера, речевого поведения и т. д. В этом смысле можно отметить имена политиков, которые особенностями своей внешности, характера или действий, «напрашиваются» на ЯИ – это не только Д. Буш, но и С. Берлускони, В. Жириновский, В. Черномырдин, Ю. Тимошенко, Б. Борисов, президент Ж. Желев, министр финансов С. Дянков и т. д. Наоборот, «скучные», безличные субъекты реже становятся объектом игры, как, впрочем, и героями анекдотов (вспомним многочисленные анекдоты прежних лет о Л. Брежневe и Т. Живкове, нередко иронизирующие как раз яркие субъективные качества двух политиков).

Игра с именами первых лиц в государстве отличает современную публицистику от публицистики прошлого – именно эти номинации там максимально регламентированы, в них не допускаются отклонения индивидуально-авторского характера и возможна только превосходная степень признака [Какорина 1996:176]. В современных СМИ (и не только оппозиционных) нет недосыгаемых личностей или «священных коров», поэтому объектом игры, как мы уже отметили, часто являются президент, премьер-министр и другие официальные лица. Такая, по мнению И.Э. Ратниковой, «десакрализация» антропонимических знаков – показатель разрушения старых социальных мифов и создания новых [Ратникова 2003:38]. И если лет десять назад так или иначе проявлялась «инерция» прошлого, когда в именах первых лиц были недопустимы проявления индивидуально-авторского, то в последние годы как раз в таких именах проявляются неограниченные возможности игрового для иронизирования, осмеивания, дискредитации референта.

Имена политиков включаются в различные формы ЯИ. Основанием для включения, как мы уже отметили, чаще всего являются как негативно воспринимаемые обществом действия или события, в которых участвует референт, так и отношение к нему «в принципе», а также некоторые субъективные качества личности политика.

При использовании СИ в ЯИ в медиа-тексте обычно приходится говорить о сложном переплетении экстралингвистических и лингвистических элементов их смысла. Что касается КИ, нужно подчеркнуть, что в них экстралингвистическое актуально всегда – именно от него зависит включение имени в ЯИ, и даже в тех случаях, когда определенная форма ЯИ безусловно «экс-

плуатирует» лингвистический потенциал самого имени, всегда можно найти связь, иногда довольно отдаленную или сложную, с экстралингвистическими знаниями о субъекте, о действиях и ситуациях, связанных с ним. «Игра ради самой игры», «просто игра» (хотя и, по мнению Й. Хейзинги, любая игра имеет цель), встречается реже в ПС, прежде всего в юмористических жанрах; она характерна, например, для разговорного стиля, где референт СИ, включаемого в ЯИ, чаще всего известен в рамках семейного социума, поэтому экстралингвистический потенциал его имени слабее.

Лингвистический потенциал ЛИ (к которому относятся фонетический облик, структура, лексическая мотивированность, как и сложный комплекс вербальных ассоциаций, нередко разный у разных людей) определяет в немалой степени «направление» их игрового использования, т. е. их участия в определенных формах ЯИ. В связи с этим можно сказать, что для некоторых ЛИ просто неизбежно их обыгрывание именно определенным образом. Ср., например, каламбуры с именем болгарского политика Надежды Михайловой: *Уви, и със и без **Надежда надежда** май няма (Сега); И на последния седесар му е ясно, че единствената **надежда** на СДС сега се казва **Надежда** (Монитор); **Надежда** напред, **Надежда** назад – и все няма **надежда** (Сега).*

Как сравнительно редкие для медиа-текста можно определить различные *фонетические игры*, например, созвучия-рифмовки, которые можно считать одним из результатов влияния разговорного стиля на публицистику: *Ким Чен **Ир** на весь **мир** (МК); Между **Маком** и **Бараком** (АиФ); **Буш** уже не **дюж?** (АиФ); **Блэр** – не **пэр** (Ит.); *Кой ще ни **спаси** от Соломон **Паси** (Сега).**

Эффект игрового проявляется очень ярко и в игре с *фразеологией*, самой частотной разновидностью которой является замена компонента стандартного состава фразеологизма новым, в данном случае – именем политика. Видоизмененные фразеологизмы, как и все нестандартные формы языка, экспрессивнее исходных, они более «гибко» приспособляются к условиям контекста [Цонева 2007 а]. Ср.: *Шкура **неубитого Саддама** (Власть); Вот тебе, бабушка, и «**Зурабов** день» (Труд); *Какой-нибудь артист сыграл злодея (или стерву) – с него, как с **Жириновского** вода! (Ог.); Царят дава, **Панайотов** – не (Труд); *Гладен **Цецо** кабинет сънува (Монитор).***

Одна из самых активных форм ЯИ в последние годы – *цитация* (обозначаемая, как известно, и как логоепистема, прецедентный текст, интертекстуальное включение и т. д.), к кото-

рой относят использование фрагментов, в том числе трансформированных, из других текстов. Ср.: *Пусть сильнее грянет кризис* (Ит.); *Кризису все отрасли покорны* (Компания)

И если у О. А. Лаптевой в 1996 г. складывалось впечатление, «что на наших глазах разворачивается состязание в том, кто больше и лучше отыщет и «ввернет» такие цитаты» [Лаптева 1996: 152], то сегодня нет сомнений, что это состязание в самом разгаре. Многочисленные фрагменты из «чужих» текстов (прежде всего трансформированные) включаются в новый текст, занимая место чаще всего в заглавии. ЛИ, в частности имена политиков, активно участвуют в подобных трансформациях – они заменяют компоненты исходного фрагмента, обеспечивая связь с содержанием текста, создавая эффект неожиданности, игры. Ср.: *Саддам в Ираке больше чем поэт* (МК); *Ширак большой, ему видней* (Ит.); *Народу, наверное, захотелось бы спросить, а почему же власть бросилась спасать «рядового Абрамовича», а не посоветовала ему продать для оплаты долгов английский «Челси», лондонские особняки или часть яхт?* (АиФ); *А Костов отгоре през синия дим гледа на всичко тих, невъзмутим* (Сега)

Обратим внимание и на графическую игру, о которой С. И. Сметанина пишет: «Суть графической игры – в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [Сметанина 2002: 204].

К ней можно отнести, например, выделение шрифтом или цветом тех элементов, которые таким образом актуализируются, включаясь в каламбур: *Щеше ли иначе управлението на КОСТов да ни преседне като кост на гърлото?; Щеше ли семейство СОКОЛови да хвърчи за наша сметка през далечни морета чак до Канада и обратно?* (168 часа)

На параграфемике рассчитывают и единицы, которые можно определить и как паронимическую аттракцию, и как окказиональные слова, образованные от СИ (*Саддам, Буш, Паси*) и апеллятивов (*мазохизм, пушечный, спасител*). Ср.: *САДДАмазохизм* (МК); *БУШечное мясо* (АиФ); *Соломон – СПАСИтеля!* (24 часа) Обратим внимание здесь на интересные примеры с графическим выделением фамилии *Буш* в одной из последних монографий, посвященных ЯИ [Ильясова, Амири 2009:70].

Как подчеркивает Т. В. Попова, разного типа графодериваты обнаруживают в наши дни «лавинообразный рост», а сферы их употребления значительно расширены – это не только СМИ, но и реклама, Интернет и т. д. [Попова 2009:150-151].

К самым активным формам ономастической игры следует отнести образование *оказиональных слов* – типичного проявления игрового. Имена политиков часто становятся основой *оказиональных дериватов*, а иногда – и целых серий (или касакадов) таких слов. Ср.: *То есть предлагается гуманный вариант: разделить большое **зурабовладение** на два маленьких **полузурабства**, но самого Михаила Юрьевича пополам пока не резать* (АиФ).

Подобные дериваты, как правило, остаются в рамках *оказионального*, но в сравнительно редких случаях *оказиональные производные* становятся элементом языковой системы, являясь примером *языкотворческой функции ЯИ* [Цонева 2000: 23]. Таким является слово *доганизация*, появившееся в 2009 г. в дискурсе выборов и ставшее частью болгарской политической лексики: *Яне свиква митинг срещу **доганизацията**; Искам да благодаря на всички политически сили, които използват подобна терминология като **«доганизация»**, защото те много ми помагат* (Стандарт).

Бесспорные «герои» *оказионального словообразования* в проанализированном нами материале – премьер-министры России и Болгарии. Основой игровых производных чаще всего становятся, как можно было уже видеть, фамилия Путин и имя Бойко: *А как оценяват седемлетната **«путиниану»** академическите аналитици?* (АиФ); *Полная **запутина*** (НВ); *Рейтингът на **бойковистите** тръгна рязко надолу* (Монитор); *2007 стана годината на **бойковизацията*** (Новинар); *Изборите се оказаха не пропорционални, не мажоритарни, а **бойкоцентрични** в степен, която изненада дори ГЕРБ* (Новинар).

Среди имен зарубежных политиков в русских и болгарских текстах лидирует имя Барака Обамы: *То есть напечатанните **«обамабаксы»** будут выплескиваться из американской экономики, растекаться по миру и сеять глобальную инфляцию?* (Ит.); *За сто дний президентства нового американского лидера **обамомания**, которой заболела страна, еще не пошла на убыль* (Ит.); *Относно глобалната **обамизация*** (Сега); *Ренесанс или **«Обамагедон»?*** (Тема).

Чаще всего ЛИ политиков становятся основой производных существительных, образованных по продуктивным моделям с суффиксами *-ист, -ец, -изм, -щина, -ация, -ка* и т. д.: *Выше знамя **берлусконизма!*** (Ит.); *Под знаменем **марксизма-зюганизма*** (АиФ); *И большинство, как черт ладана, избегает ассоциировать себя с **«каспаро-немцовцами»*** (АиФ); *Генерал-кметът тутакси изкусно вплете личната си болка (**антистанишевизъм**) в тържествената си реч* (Сега); *Служителите от*

Белия дом отричат, че Мишел Обама страда от "**хиларизъм**" (Монитор); Дали **бушизмите** му не са прекалено втръснали вече на всички? (Тема).

Окказиональных глаголов, производных от имен политиков, намного меньше, но они нередко очень эффектны. Ср.: **Кондолизируй** это (Ит.); Депутаты **зурабят** министра (МК); Израелският министър на отбраната Ехуд Барак **путинизира** имиджа си! (Сега); Бря, израелският адаш на Миротворния американски президент хич не **се баракизира** (Сега); Татарчев четири години се **татарчи** (Дума).

Интерес представляют и окказиональные слова, образованные путем композиции или контаминации [об их разграничении см. Цонева 2000, 2002]. Ср.: Условия успеха **путиномики** (АиФ); **Микропутиномика** – это удобство топменеджера госкорпорации (НВ); Высшая добродетель в **Хиллариленде** – лояльность (Профиль); Азербайджан или **Алиевландия**? (Тема); **Обамафорията** умира на Изток (Капитал).

В таких словах содержится экспрессивно выраженное отношение к референту имени, усиленное, как в данных ниже примерах, ближайшим контекстом, а также внетекстовыми знаниями о нем. Ср. яркий болгарский пример: *Ако нещо не е наред с тези три признака на демокрацията, ние всъщност в демокрация ли живеем? Или в демократура? А може би в тоталикрация? А това, в което ни предстои да живеем, как ще се нарича – **Бойкотура**?* (Новинар)

Отметим и новообразования, которые нельзя отнести к продуктивным моделям и в которых ярче всего проявляется творческий характер подобных единиц: «Наивысшая степень новизны присуща окказиональному слову, созданному "ex nihilo", не по модели» [Ханпира 1972:252]. Ср.: *Оппозиция **выкорчевана**, ее лидеры **измельчали**, «**ухакамадились**»* (АиФ); *Притеснихме се, че отдавна не сме **бойкочели** нищо, но «Труд» ни **борисоуспокои*** (Сега).

Толкование некоторых игровых образований небесспорно. Так, в данном ниже примере можно говорить о звуковой и семантической близости не только с определенным исходным словом (*Обама*), но и со словом-стимулом (*обмануть*), а также с различными ассоциациями, которые можно найти в широком невербальном контексте: **Обаманутые** ожидания (МК).

Подобные образования имеют, как правило, комический эффект, в связи с чем Е. А. Земская относит их к «веселому словообразованию» [Земская 2007], хотя, как нам кажется, многие из них можно толковать и как паронимическое сближе-

ние, о чем идет речь ниже.

Специального внимания заслуживает и *каламбур* – одна из самых ярких форм ЯИ. Каламбур обычно считают лексико-семантическим явлением, хотя в нем семантику трудно можно разграничить от словообразования, синтаксиса, прагматики. В связи с этим В. З. Санников отмечает, что анализировать тонкую игру значений в каламбуре – сложное, почти безнадежное дело (посвящая тем не менее этому анализу интересные работы) [Санников 1995:62].

Проанализированный нами материал позволяет убедиться в том, что сказанное В. З. Санниковым справедливо и для ономастического каламбура, в котором весьма интересным образом сочетаются особенности СИ с особенностями медиа-дискурса [Цонева 2009].

Для создания каламбура исключительно важны лингвистические параметры восприятия СИ. Отметим еще раз, что комплекс вербальных ассоциаций СИ отличается сложностью и его нелегко описать достаточно исчерпывающе – это ассоциации, обусловленные фонетическим обликом, структурой, лексической мотивированностью слов и т. д.

Важной особенностью ономастического каламбура можно считать и то, что он не может строиться на разных значениях одного многозначного слова, как это часто бывает в каламбуре с апеллятивами. Ср.: *В столице полно львов. Светских (АиФ); Чем ближе зима, тем острее мы чувствуем тепло – если не душевное, то которое идет от котельной (МК)*

Основой ономастических каламбуров может быть омонимия, чаще всего омонимия ЛИ и нарицательного, на базе которого оно возникло. Ср.: *Надежда Михайлова все по-осезаемо се превръща в надежда за Косово (Сега)*.

На омонимии русских фамилий (политиков А. Лебеда и Ю. Чайки) и апеллятивов-названий птиц основаны каламбуры в данных ниже примерах. В них контекст направляет внимание на возможность понимания СИ как нарицательных, благодаря включению в него слова *орел* в метафорическом значении: *Лебеда пытаются убедить, что он не орел (Общая газета); Теперь Ю. Чайка – орел (АиФ)*.

Именно в контексте, благодаря включению в него слов, ассоциативно связанных с СИ, реализуется актуализация его внутренней формы и в следующем примере, где рассчитывается на «птичьи» ассоциации: *А Лебедь рвется в облака (АиФ)* – заглавие текста об успешной политической карьере ген. А. Лебеда.

К паронимазии можно отнести многочисленные случаи специального столкновения слов с формальной, в том числе незначительной, отдаленной, близостью, в рамках ограниченного контекста. Ср.: *Всичко това **Олимпи** пръв от колегите си заявил в специална декларация за конфликт на интереси, с което е изкачил своеобразен **Олимп** спрямо обичайните български шуру-баджо-братовчедски практики* (Сега)

Вполне обоснованно каламбуры, в которых сталкиваются слова со случайной формальной близостью, определяют как «паронимическую аттракцию». Так можно определить, например, заглавие текста об успешной политической карьере британского политика Тони Блэра, где использована формальная близость имени *Тони* с русским глаголом *тонуть*: **Нетонуций Тони** (Ит.)

Естественно, основания для подобного объединения слов с отдаленным формальным сходством можно искать как в языковом контексте, так и во внетекстовых ситуациях. Ср.: *Испанците май ги бива само да се гонят с бикове по улиците на Памплона или да се замерят с домати. И този **саботьор Саботеро** се опитва да разложи коалицията ми, като изтегли мижавото си контингентче!* (Сега) – пример из фельетона *Носталгия*, написанного «от имени» президента США Д. Буша в связи с выводом военного контингента Испании из Ирака. В нем фамилия испанского премьер-министра *Сапатеро* (исп. *Zapatero* этимологически связано со словом *zapato* – «обувь») специально «искажается», сближаясь со словом *саботер*, чтобы подчеркнуть, что он саботирует военную коалицию.

Так что СИ могут претерпевать «для нужд каламбура» определенные трансформации, зависящие не только от самого имени, но и от контекста – именно он реализует потенции, содержащиеся в самом имени.

Благодатная почва для создания каламбуров, основанных на раскрытии внутренней формы слова или так наз. *этимологизации*, – СИ с ясной внутренней формой, сохранившие семантическую связь с производящей основой, словом или словосочетанием. Их нередко определяют как «говорящие имена» – их внутренняя форма является своеобразным «сигналом» о действиях, а также о внешних или внутренних качествах референта. Таких примеров много: **Строев** – в **строю!** (МК); **Зачем Грызлов грызет козлов?** (АиФ); **Депутатът от СДС Чародей Чернев** *хич не се връзваше с недотам **чародейните** действия на политическата му сила отпреди 3-4 години* (Труд); **Стоян** *Ганев не **стои** на едно място и си опровергава името непрекъснато* (Се-

га); **Петканов** действия в **петък**, **Първанов** – **пръв**, **Бойко Борисов** – **готов за бой и борба** (168 часа)

Этимологическая «регенерация» в таких случаях осуществляется указанием на этимологическое родство слов, чаще всего путем объединения в контексте СИ и словообразовательно связанного с ним апеллятива. Ср. примеры, в которых фамилия *Путин* связывается со словом *путь*: **Путин** открывает **новый путь** (МК); **Путина** спросят о **путях спасения** (АиФ) Кстати, в некоторых текстах (как правило, в оппозиционных изданиях) можно найти и довольно смелые аналогии фамилий политиков; например, в тексте *Путь Путина* фамилия *Путин* связывается со словами *путь*, *путо* и даже с ненормативными словами (НВ 2007/46).

Очень интересны каламбуры, в которых «высвечивание» внутренней формы СИ происходит благодаря включению в контекст слов, ассоциативно связанных с ним (это могут быть синонимы, антонимы, слова одного семантического поля и т. д.). Например: **Громов грянул в конце года** (МК).

Этимологизация СИ в тексте может быть как научно обоснованной, так и «мнимой», игровой, и в таких случаях она близка к паронимии. Во многих подобных примерах контекст подчеркивает игровую направленность, связывая СИ не с реальной производящей или родственной основой, а с другой, ложной. Ср. примеры, в которых «эксплуатируется» внешняя близость СИ с глаголом: *Какво му **коства** на **Костов** още една излагация сред стотиците други?* (Сера).

Множество подобных примеров, как нам кажется, дает основание говорить, что поиск мотивации формы в содержании и употреблении слов, «переворачивание наизнанку» знакомых слов – одна из активных тенденций в современной публицистике [Стоянов 1999:176].

Можно заметить, однако, что в иноязычных именах на практике происходит «переворачивание» незнакомых слов, поскольку они, как правило, не мотивированы для адресата. И если при игровой этимологизации «своих» имен связь с родственными словами может быть как реальной, так и мнимой, игровой, то в иноязычных эта связь чаще мнимая. Ср. болгарские примеры – с фамилией *Гайдар*, которой в контексте приписывается родство со словом *гайда* (рус. *волынка*), и с фамилией *Шматко*, которая связывается с разговорным болгарским глаголом *шматкам се* (рус. *бездельничать, слоняться без дела*): *Първият демократичен премиер и баш реформатор на Русия се наричаше, че и още се нарича, Егор Тимурович **Гайдар**. Ама да*

не помисли някой, че той свири на **гайда** или е играл по чужда **гайда** (Сега); От руска страна до София се **пошматка** министър на енергетиката с многозначителното име **Шматко** (Сега).

Нередко средством оживления внутренней формы иноязычных имен (как правило – незнакомой) является их перевод, который делает «видимой» связь СИ с исходными словами, так что каламбур становится способом «оживления» не только ясной, но и утерянной или неизвестной внутренней формы. Так, включение в каламбурную этимологизацию фамилии французского политика *Сеголен Руаяль* (*Ségolène Royal*) обусловлено значением самого слова (фр. *royal* – королевский), и именно на это значение направляется внимание. Однако, при отсутствии у читателей «сигналов» об этом значении, используется перевод для раскрытия внутренней формы слова. Ср.: *Но кто знает – может, к выборам картина поменяется? И президентом республики станет женщина с королевской фамилией (именно так переводится «руаяль»)?* (МК).

Наряду с вербальными ассоциациями в подобных случаях можно найти еще более сложные внетекстовые ассоциации. Ср. пример из текста под заглавием оксюморонного характера *Принцесса Республики*, где значение слова *королевский* противопоставляется значению слова *республиканский*: *Ей вменяют в вину отсутствие четкой предвыборной программы,... и, конечно, не обходят стороной ее фамилию. Не к лицу представителю партии трудового народа республиканской Франции быть «руаяль»* (Ит.) Так что два последних примера позволяют снова обратить внимание на сложное сочетание в КИ лингвистического и экстралингвистического (к последнему относится, разумеется, и сама актуальность в определенный период данного СИ в ПС, обусловленная участием С. Руаяль в президентских выборах во Франции).

В качестве заключения отметим, что за рамками нашего анализа остались не менее интересные формы ономастической игры – метафорическое употребление имен политиков, прозвища и перифразы с игровым эффектом, окказиональная сочетаемость и т. д. Все они, как и упомянутые выше «именные игры», занимают важное место в коммуникативной стратегии современных СМИ, и это обуславливает необходимость их дальнейшего исследования с привлечением материала из разных языков, что могло бы способствовать осмыслению как феномена языковой игры, так и собственных имен как лингвокультурного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. № 20 (2001). Вып. 4. URL: proceedings.usu.ru.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь. – М., 1983
4. Земская Е. А. Веселое словообразование // Логический анализ языка. Языковые средства комизма. – М., 2007. С.642-655.
5. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М., 2009.
6. Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. С. 169-181.
7. Лаптева О. А. Стилистические приемы создания иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. С. 150-157.
8. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск, 1987.
9. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // Лингвистика креатива. Коллективная монография. – Екатеринбург, 2009. С. 147-176.
10. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. – Минск, 2003.
11. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М., 2005.
12. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // ВЯ. № 3. 1995.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб.: Изд. Михайлова А., 2002.
15. Стоянов К. Обществениите промени (1989-1996) и вестникарският език. – София, 1999.
16. Ханпира Э. Оказионалните елементи в современной речи // Лингвистические исследования. – М., 1972.
17. Цонева Л. Езиковата игра в съвременната публицистика. – Велико Търново, 2000, 2002.
18. Цонева Л. Ключевые имена времени в публицистиче-

ском стиле // Stylistyka XVI. Styl i czas. – Opole, 2007. С. 423–443.

19. Цонева Л. Фразеология в языковой игре // Активные процессы в современной лексике и фразеологии. – М., 2007а С. 237-242.

20. Цонева Л. Каламбури със собствени имена в българската публицистика // Състояние и проблеми на българската ономастика, т. 9. – В. Търново, 2009. С. 490-510.

21. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. – Киев, 1993. кн.1. С. 33-38.

22. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2(28). 2009. С. 63–68.

23. Эпштейн М. Любовные имена. Введение в эротонику. Статья-поэма // Октябрь. 2006. № 7.